

РАЦИОНАЛЬНОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТА

Альшевская К.С.,

научный руководитель проф., д.филос. наук Нескрябина О.Ф.

Сибирский федеральный университет

В методологии науки XX века одной из самых обсуждаемых проблем стал вопрос о демаркации между наукой и другими видами познания. Фактически, вопрос сводился к тому, что есть научная рациональность. Предложенные варианты решений данной проблемы варьировались от анализа языка как критерия, позволяющего разделять научные высказывания и не научные, до признания исторической изменчивости научной рациональности. В то же самое время в методологии науки иррациональная компонента становится признаваемой и самостоятельной частью научного творчества, в которой фиксируются такие процессы как, научная интуиция и «бессознательная работа» (А.Пуанкаре), неявное знание (М.Полани), воображение (Г.Башляр).

В теории журналистики можно выделить две точки зрения на соотношение рационального и иррационального в творчестве журналиста: согласно первой точке зрения, творчество журналиста сходно с творчеством литературным. Отстаивающие данную позицию авторы, признавая наличие логических операций в эвристических процессах журналиста, главную роль отводят иррациональным компонентам – фантазии и вдохновению. Так, М. Н. Ким отмечает, что создание журналистского произведения сродни созданию произведения литературного, с той лишь разницей, что «если для писателей в ходе формирования замысла важно отобрать из жизненных фактов наиболее типичное и характерное, чтобы в дальнейшем создать художественный образ, то для журналистов важно строгое следование фактам и адекватное отображение действительности». Однако, во-первых, данная схема, является общей для любого эвристического процесса от работы ученого до деятеля искусства, а, следовательно, не отражает специфику когнитивного процесса журналиста. Во-вторых, уравнивание методологии журналистского творчества с литературным не является достаточно обоснованным. Если в процессе творческой деятельности журналист использует воображение, то поэт или писатель – фантазию. Воображение связано с опытными данными, в отличие от фантазии, в которой предметы изменяются совершенно произвольно, причем происходит это за пределами актуального опыта.

Другая точка зрения, напротив, рассматривает творчество журналиста, как стоящее на стыке рационального и иррационального знания. По мнению Е.П.Прохорова важной чертой публицистического творчества является «синкретизм, т.е. использование одновременно как научных, рационально-понятийных, так и художественных, эмоционально-образных средств».

Нашу позицию можно обозначить как явный и последовательный рационализм. Мы считаем, что когнитивный процесс журналиста являет собой строго рациональный вид познания. Иррациональная сторона творчества журналиста представлена порождением гипотез или идей, спонтанностью воображения, то есть компонентами, без которых не обходится ни один эвристический процесс. Роль этих иррациональных элементов, безусловно, важна, но при этом они имеют все же подчиненный характер.

Рациональные компоненты эвристики журналиста, на наш взгляд, тесно связаны с предметом познания журналиста. Предмет познания определяет специфику логики журналистского творчества. Согласно нашему представлению, предмет журналистики – это события, которые были совершенны в недавнем прошлом или которые произойдут в ближайшем будущем, в определенном пространстве и времени. Событие нами определяется как явление,

демонстрирующие, что нечто претерпело изменения. Время события – это отрезок, в котором ничего не происходит кроме самого изменения. Как отмечает Ж. Делёз, события бестелесны и поверхностны, они фиксируют не вещи и не положение вещей, а изменения. События не то, что действует, и не то, что претерпевает действие. Они – результаты действий и страданий, результат взаимодействия и смешения тел: «Но то, что мы подразумеваем под «расти», «уменьшиться», «краснеть», «зеленеть», «резать», «порезаться» и так далее – нечто совсем другое. Это уже не положение вещей, не тела, перемешанные во внутренней глубине. Это бестелесные события на поверхности – результат смешения тел». Такие события – чистый инфинитив (порезаться, убить и т.д.): «когда скальпель рассекает плоть, одно тело сообщает другому не новое свойство, а новый атрибут – «быть порезанным». Этот атрибут не означает какого-либо реального качества...наоборот, он всегда выражен глаголом, подразумевающим не бытие, а способ бытия...».

Особенностью такого события оказывается то, что «событие» не может выступать предметом прямой интенции сознания. Событие не есть предмет, а, следовательно, не может выступать как «сознание чего-либо». Как отмечает Э.Гуссерль, подобные интенции, не имеющие основополагающего характера интенциональности, могут быть даны в перцепциях и чувственных эмоциях. Так, «в переживании восприятия этого листа белой бумаги, конкретнее же в его компоненте, сопряженном с качеством «белизны бумаги», мы путём подобающего поворота своего взгляда обретаем данное в ощущении «белое»». Другими словами, любое восприятие должно быть опредмечено, связано с каким-либо предметом. Но «событие» не поддается данному правилу: «зеленеть» - это способ бытия, «зеленый» - качество. Событие может быть предметом интенции сознания только в связи с вещами.

Вещи, к которым отсылает событие, предельно индивидуализированы. Важен порез на руке, но не менее важна, чья это была рука, какой силы бы порез, какой использовался нож. В событии должны быть установлены индивидуальные особенности. Поэтому масс медиа, обозначая вещи, использует не универсальные термины, а индивидуальные. Как отмечает К.Поппер, индивидуальные понятия – это понятия, «в определение которого входят собственные имена (или эквивалентные им выражения). Если все ссылки на собственные имена можно устранить, то понятие является универсальным». Так, «планета» и «H₂O» будут универсальными понятиями или именами; «Земля» и «Атлантический океан» - индивидуальными. Различие между универсальными и индивидуальными понятиями или именами тесно связано с различием между универсальными и сингулярными высказываниями. Как отмечает К. Поппер, сингулярные высказывания – это высказывания, относящиеся только к «специфически обсуждаемому событию», к определенному классу объектов, в отличие от высказываний универсальных, являющихся всеобщими. Тем самым события масс медиа могут быть выражены в языке только в виде сингулярных высказываний.

Данная особенность событий – выражение их только в виде сингулярных высказываний – определяет логику творчества журналиста. Как отмечает К.Поппер, из сингулярных высказываний могут быть дедуцированы следствия только при наличии универсального закона. Но в тексте журналист не выражает прямо универсальные законы, на которые он опирается. Подобные универсальные законы неявно присутствует в качестве знаний самого журналиста. Выводя следствия или определяя причины, журналист использует в качестве неявных предпосылок универсальные законы, а, следовательно, и истинность полученных следствий или причин зависит от уровня знаний журналиста. Однако встает вопрос о том, какие это универсальные законы. События, фиксируемые журналистом, относятся чаще всего к происходящим в социуме, а, следовательно, и универсальные законы, используемые журналистом являются законами социальными.

Основными логическими операциями, используемыми в журналистике, можно считать дедукцию, абдукцию и индукцию. В теории принятия решений данные логические операции разделяются на строгие и эвристические. К строгим решениям относятся такие как дедукция и абдукция, где неизвестной компонентой может выступать или заключительное утверждение (следствие) или исходные утверждения. В этих видах решений события объясняются (соединяются) с помощью механистической или однозначной причинности. К эвристическим относятся индукция и некоторые случаи абдукции. В этих видах решений события связывается с другими событиями на основе вероятностной причинности.

В дедуктивных решениях заключительное утверждение выводится из одного или нескольких исходных утверждений (событий) по некоторому правилу, закону (например, в соответствии с законом логики). Обычной функциональной зависимостью будет являться $y_i=R(x_i)$, где задан аргумент x_i и оператор R . При дедуктивном решении возможно по заданным оператором и известным значениям входов определить выходные реакции. Таким образом, в данном типе решений определяется событие-следствие, на основе уже нескольких известных событий. Абдуктивные решения – решения, попадающие как в класс строгих, так и в класс эвристических решений, отличающихся большей неопределенностью. Абдуктивные решения - это процесс выявления наиболее вероятных исходных утверждений на основе обратных преобразований. Такие решения часто строятся на основе прошлого опыта. Пусть, например, между некоторым множеством посылок x_i (x принадлежит X) и y_i (y принадлежит Y) установлена причинно-следственная связь R . Тогда, наиболее вероятной причиной появления нового следствия y_i является посылка $x_i=R^{-1}(y_i)$. Если оператор R известен, то известен и обратный оператор R^{-1} и решение является строгим. При абдуктивных решениях задача журналиста состоит в определении исходных событий по уже имеющемуся следствию.

Индуктивные решения – это процесс выявления наиболее вероятных закономерностей, связей, действий существующих между исходными утверждениями. Индуктивные решения определяют оператор по входным x_i и выходным y_i сигналам: $y_i=R(x_i)$. К этой категории относятся действия врача при лечении больного, руководителя организации при выполнении заданий и т.п.. Выявляемый этим способом оператор R неоднозначен и зависит от накопленного опыта или рассмотрения задач на нескольких уровнях. Однако, в журналистском творчестве при индуктивных решениях, зачастую оказывается необходимым не только определить действия (оператор R), но и события-следствия. Так, к примеру, в аналитических жанрах, в качестве исходных посылок могут выступать известные события; оператор – представлять возможные программы действий в сложившейся ситуации. Выводом будут являться определённые события-следствия. В таком случае, задачей журналиста является рассмотрение возможных вариантов действий, определение их следствий и оценка наиболее вероятностного развития событий. Как было отмечено выше, все выводы в эвристических решениях будут носить вероятностный характер, в отличие от решений строгих, чьи выводы носят характер необходимости.

Таким образом, журналистика предстает в качестве строго рационального творчества. Условность истинности выводов журналистов можно отнести к неточности самих социальных законов, на которые опирается журналист в процессе творчества. Специфика предмета исследования журналиста определяет и специфику рациональной компоненты познания. Рациональные основания были нами представлены логикой рассуждений, включающей в себя два вида рассуждений – строгие и эвристические. Однако этим анализ логики рассуждений не ограничивается: необходима разработка многих проблем эвристики, таких, как теория распознавания образов, теория их классификации и др.